

Василий Лановой ворвался с мороза в гримборную, как зимний вихрь. Чеканный профиль, бронзовый загар, великолепный твидовый пиджак, на лацкане которого — то ли эмблема закрытого спортивного клуба, то ли значок с ленинским профилем...

Лановой подошел к окну и тщательно его зашторил.

— Сейчас мы занавесимся от арбатской помойки и будем делать вид, что нам хорошо. Ну что — начнем разговор?

— Василий Семенович, мне кажется, вы его уже начали. Я понял, что от сегодняшнего времени вы не в восторге, и, честно говоря, другого не ожидал. Ваше амплуа — Атос в комиссарской шинели — нынешней эпохе не ко двору; режиссеры использовали вас достаточно однобоко, а та социальная проблематика, с которой было связано ваше творчество, сегодня ушла...

— Настроение у меня, во всяком случае, лучезарное. Вчера я вернулся со Средиземноморья, из Израиля — мы с Юлей Борисовой возили туда "Милого лжеца". Температура воздуха тридцать пять градусов, воды — двадцать пять... И принимали нас там замечательно — прямо на улице подходили незнакомые люди, у многих на глазах были слезы. Они уехали, но не могут забыть Россию, их страшно интересует, чем страна живет, что могут принести выборы... Наверное, поэтому им и пришлось по сердцу "Милый лжец" — история о человеческом одиночестве, о любви, за которую люди хватаются как за последнюю соломинку. "Новые израильтяне" потеряли Родину, а Россия в лице многих из них — очень нужных людей: декорации к нашему спектаклю таскали кандидаты наук, люди с двумя высшими образованиями.

Вы говорите, что ушла моя тема. Во-первых, еще не вечер. Не мне судить, но все-таки кажется, что у людей сохранилась тяга ко многим прежним ценностям. Вот только назвал бы я их не социальными, а национальными. За идеологию у меня никогда не болело сердце: было больно за государство — так надо ли долго говорить о том, что я ощущаю сейчас? Все разорили, лучших людей вытолкнули в эмиграцию, профессор получает меньше мальчишки из коммерческого ларька, нашими войсками в Боснии будет командовать американский генерал... Куда дальше?

— Что вы ни говорите, но это — идеология; а мне всегда казалось, что настоящему художнику она противопоказана. И дело вовсе не в том, "красный" вы или "белый"...

— Александр Сергеевич Пушкин тоже был не чужд идеологии — давайте вспомним хотя бы "Клеветникам России".

— Мы, кажется, отвлеклись. Ваша актерская судьба, сегодняшний день театра Вахтангова, на мой взгляд, куда интересней.

— Что до моей профессиональной судьбы, то за последние годы в ней ничего необычного не произошло. Я помню ваш предыдущий вопрос: вы хотели узнать, не мешает ли мне мое прежнее амплуа. Но я ведь играл не только социальных героев, Дзержинского и Корчагина, не только героев-любовников, Калафа и Дон Жуана. В моем репертуаре — комедии и водевили, у меня за плечами много характерных ролей. Любый актер, более или менее освоивший профессию, стремится уходить из-под амплуа. Прав-

Василий ЛАНОВОЙ:

НЕТ ПРОФЕССИИ СТРАШНЕЕ АКТЕРСКОЙ

ПРОШ. - 1995. - 23 dec. - 15

да, в кино "героический" имидж закреплен за мной более жестко. Тем не менее... Посмотрите новый фильм Алексея Сахрова "Барышня-крестьянка" — чудесное кино, истинно наше, с потрохами расейскими сделанное... И я там, кстати, играю характерную роль.

Что до театра Вахтангова, то в нем, как и во многих других театрах, положение очень сложное. Времена для искусства не самые лучшие: что на театре, что в кино. Картины снимают те, кому удастся достать деньги, а это получается, мягко говоря, не у самых благородных. На сцене дела обстоят тоже печально. Говорят: "Театр надо спасать". А я отвечаю: "Да, но не любой же ценой!" Нынешнее безвременье, даст Бог, пройдет, но на месте лица у театра будет уже совсем иное место. И как мы будем вспоминать о том, что позволили сделать с театром?

— Вы случаем не Виктюка ли имеете в виду?

— Да, и его тоже. С Виктюком я боролся три года. Он талантливый человек, но его эстетика несовместима с театром Вахтангова. Я рад, что в конце концов мы с ним расстались.

Как мы сегодня живем? Играл старые спектакли, готовим новые. Ион Друцз принес нам замечательную пьесу, сейчас мы ищем для нее режиссера. Ульянов ходит, за голову хватается — кого бы упрости. Пьеса дивная, тема — последние дни Римской империи, раннее христианство... Аналогии с сегодняшним днем быют в глаза.

Театр должен выжить, поэтому мы стараемся и как-то развлечь зрителя — только что выпустили мюзикл "Али-Баба". И все же самый полный зал собирают наши старые, серьезные работы: "Без вины виноватые", "Милый лжец", "Три возраста Казановы"... Это не случайно. У людей усиливается тяга к серьезным вещам: ноготыганье их уже не привлекает. Сейчас Петр Наумович Фоменко готовит у нас "Пиковую даму" Пушкина. Дай Бог ему успеха: задачу он себе поставил очень сложную — надо нафантазировать спектакль, который во всех отношениях был бы адекватен тексту. А я вместе с Людмилой Чурсиной репетирую чудную пьесу Артура Миллера, написанную на двух стариков.

— Театр Вахтангова уже который год существует без главного режиссера. Художественный руководитель, замечательный артист Михаил Александрович Ульянов не может его заменить. Давайте будем откровенны: театр переживает пору тяжелого собственного безвременья, в которую он вступил очень давно — сразу после смерти Рубена Симонова.

— Да, вы правы. Ситуация поистине трагическая — мы знаем, что во главе театра должен быть режиссер, мы видели и положительные черты покойного Евгения Рубеновича Симонова, возглавив-

театральных династий? Дом-музей, портреты, разговоры о предках...

— Я вас умоляю. На одну семью вполне достаточно двух актеров — тем более что на втором-



третьем поколениях Мельпомена, как правило, отдыхает.

— А как сами попали на сцену?

— Я двадцать три дня прозанимался на журфаке МГУ и уехал сниматься в "Аттестате зрелости". Вернулся в конце декабря, сдал все зачеты и перешел в Щукинское училище. Впрочем, в Щукинское я уже был принят: я сдал вступительные экзамены, а потом забрал документы и ушел в МГУ...

— Чем вы увлекаетесь, есть ли у вас хобби?

— Одно время очень увлекался охотой. Люблю возиться с землей: я воспитан на Украине в деревне, мои отец и мать были крестьянами — наверное, это отсюда. Есть у меня и живность — две собаки и кошка.

Лет восемь назад в Москве сгорел двухэтажный дом. Около него сидела собачка — ждала хозяйку. Проходит неделя, другая, на дворе зима, она уже не лает — хрипит... Мы ее и забрали. Так у нас появился Трезорчик — элегантнейший пес. Потом Сашка подобрал черного, как смоль, щенка — Полкашу. Недавно появилось третье животное, кошка Лиза. Очевидно, кто-то выбросил ее из окна: она лежала на улице, распластанная, с переломанной лапой. Ребята ее подобрали, отнесли на операцию, возились, лечили, кололи... Сейчас она красивой стала.

— Я знаю, вы охотник. А убивать животных вам не жалко?

— Я в животных не стреляю. Я, в основном, по боровой дичи — утка, чирок, глухарь...

— Чирка не жалко?

— В чирка поди попади — он на скорости сто пятьдесят километров идет. Да это и не главное: хорошо походить, посидеть у ночного костра, поговорить... В этом для меня прелесть охоты. Впрочем, у меня есть еще одно хобби — я веду курс в театральном институте, на кафедре художественного слова. Я беру немного ребят, основательно с ними возжусь... Очень мне это нравится.

— И последний вопрос. Я все пытаюсь понять: чей это профиль у вас на лацкане?

— Это Абай, великий казахский просветитель, лучший переводчик Пушкина на казахский язык. Когда отмечали его столетие, Назарбаев пригласил меня принять участие в торжествах, прочесть что-то из его произведений. То, что я выбрал, в переводе звучит примерно так: "Казахи, учите и любите русский язык. Для вас это единственная возможность войти в мировую цивилизацию". Зал, состоявший из казахов, долго аплодировал...

Не думаете, что это вполне современный финал?

Беседу вел

Алексей ФИЛИПОВ.